

(Перевод: Ориана)

После хаоса заключенные медленно поднялись, и десятки механических тюремных охранников вышли на площадку со звуком аккуратной гидравлической передачи, приказывая заключенным убрать все, что здесь было перевернуто.

Неподалеку в столовой Го Хучань сидел на полу, скрестив ноги, словно старый монах, погрузившись в медитацию.

Линь Сяосяо посмотрел на черные резиновые пули, разбросанные по всему полу и тяжело вздохнул: «Небожители сражаются, а страдают обычные люди. Для тех, кто сражался, это пустяки, а тем заключенным, кто не сражался, действительно не повезло. Эй, Го Хучань, говорят, ты сострадательный человек и всегда делаешь добрые дела для своей семьи? Как насчет этих людей, которых ты впутал в это дело?»

Го Хучань сказал, даже не поднимая век: «Ты говоришь мне в тюрьме, что я причиняю вред невинным людям? Среди тех, кто здесь, нет невиновных».

«Лицемер», – Линь Сяосяо взглянул на его рот.

«Кроме того, позволь мне заметить, – Го Хучань открыл глаза и посмотрел на Линь Сяосяо, – я не монах, не используй слово «сострадание», чтобы описать меня».

Сказав это, он снова закрыл глаза и тщательно отрегулировал дыхание.

Казалось, он только что не был ранен в битве с Ли Шутоном, но теперь его внутренним органам было действительно некомфортно, как будто их обожгло огнем.

Увидев, что он тихо медитирует, все проигнорировали его. Линь Сяосяо подмигнул Е Вану. Сразу же вокруг них развернулось невидимое силовое поле.

Цин Чэнь только что видел эту способность, когда черный дождь пуль падал со стального неба. Все капли этого дождя, падающие на Е Вана, были отражены этим силовым полем.

Линь Сяосяо увидел, что Цин Чэнь немного сбит с толку, поэтому с улыбкой объяснил: «Не волнуйся, твой голос не будет слышно».

Ли Шутон сел за обеденный стол и взял на руки большого кота, а затем сказал Цин Чэню: «Утром я видел, как Лу Гуань допрашивал тех людей во время церемонии приветствия. Это ты ему велел?»

«Я», – Цин Чэнь знал, что Ли Шутон уже в курсе его отношений с семьей Цин, а также знал,

что Лу Гуаньи подчиняется ему, поэтому он не скрывал этого.

«Зачем их допрашивать?» – спросил Ли Шутон.

«Я хочу посмотреть, какие еще силы соревнуются со мной за запретный предмет», – солгал Цин Чэнь, ему нужно было найти разумную причину, чтобы объяснить свои действия.

Ли Шутон кивнул: «Мне нравится твоя откровенность, но я вижу, что Лу Гуаньи на этот раз не оскорблял новичков. Тоже ты сказал?»

«Да», – ответил Цин Чэнь.

«Но я помню, что когда ты только пришел, ты не помогал другим новичкам», – сказал Ли Шутон.

«По мере сил», – сказал Цин Чэнь.

Ли Шутон улыбнулся и не стал комментировать это.

Если трудно защитить даже себя, Цин Чэнь будет спокойно смотреть, как умирают другие люди, и не будет помогать. Это его принцип.

Его жизнь никогда не была легкой, поэтому он рано научился быть эгоистичным.

Это отношение к жизни дала ему сама жизнь. Он не делал выбора.

В этот момент Линь Сяосяо вдруг посмотрел на Го Хучаня неподалеку...

Цин Чэнь повернул голову и вдруг увидел, что Го Хучань сидит на полу, скрестив ноги, с закрытыми глазами, но его длинные руки уже свесились по бокам.

Он увидел, что Го Хучань оперся всем своим телом на указательные и средние пальцы обеих рук, слегка оторвавшись от пола.

Затем, передвигая четырьмя пальцами, он постепенно приблизился к силовому полю Е Вана, пытаясь подобраться поближе и подслушать.

Это вызвало у Цин Чэня недоумение: двухметровый неотесанный детина, покрытый тотемами, который только что яростно сражался, в следующее мгновение притворился, что сидит со скрещенными ногами и медитирует, но на самом деле он хотел подслушать чужой разговор.

Контраст слишком велик.

Словно почувствовав на себе взгляды всех присутствующих, Го Хучань четырьмя пальцами вернул себя в исходное положение, не меняя выражения лица, как будто ничего не произошло.

Эта сцена позабавила Ли Шутона: «Ладно, расходимся. Жаль, что сегодня не смогли поиграть в шахматы, пойду почитаю книгу».

Перед тем, как уйти, Линь Сяосяо присел на корточки перед Го Хучанем и с улыбкой сказал: «Если проиграл, просто прими это с достоинством. Мы действительно не хотим враждовать с «Пиками». Я знаю, что тебе в пустоши нелегко, но не создавай нам проблем, ладно?»

Го Хучань поднял веки: «Я не тебе проиграл, почему ты такой самодовольный?»

Линь Сяосяо поднял брови: «Думаешь, я ничего не могу тебе сделать?»

Го Хучань спокойно сказал: «Попробуй коснуться хоть волоса на моей голове».

Линь Сяосяо посмотрел на его сияющую макушку: «?...»

Слухи на самом деле всего лишь слухи, этот Го Хучань полностью отличается от того, что он о нем слышал!

Цин Чэнь развернулся и подошел к окну за едой, а потом начал с жадностью есть.

Во внешнем мире он был беден, и после возвращения два дня питался прессованным печеньем. У него дома были рис, лапша и овощи, но не было мяса. Мясо ему было не по карману.

Хотя еда здесь простая, однако синтетическое мясо все же имеет вкус мяса.

В душе Цин Чэнь тяжело вздыхал, тюремная еда в этом мире была даже лучше, чем то, что он ел каждый день во внешнем мире.

Увлечшись едой, он случайно поднял глаза и вдруг обнаружил, что четверть из 210 камер в тюрьме № 18 молча повернулась к нему.

Кажется, тот факт, что он мгновенно нашел слепую зону стрельбы, привлек чье-то внимание.

Но он не знал, кто стоял за этим наблюдением.

Линь Сяосяо закончил препираться с Го Хучанем, встал и отставил тарелку Цин Чэня в сторону, затем отнес другую тарелку к окну, похлопал по ней и сказал роботу внутри: «Босс приказал в дальнейшем заменить его мясо на настоящее и давать ему столько, сколько он захочет».

Цин Чэнь на мгновение замер: «Почему?»

Линь Сяосяо загадочно улыбнулся: «Ты очень скоро поймешь, что это не обязательно хорошо».

...

Вечером, когда Цин Чэнь вернулся в камеру и чистил зубы, он внезапно почувствовал сонливость.

Но на этот раз он не упал прямо на пол и не уснул, как в прошлый раз, а спокойно и тщательно прополоскал рот, и только после того, как удобно улегся на кровать, медленно закрыл глаза.

Кошмар начинается.

Во сне Цин Чэнь появился в пустыне, а на песчаной дюне напротив него сидели два человека.

В этом мире кошмара был только бесконечный желтый песок и безжалостно палило солнце.

Всего через несколько секунд Цин Чэнь почувствовал, что его губы пересохли и потрескались.

Один из людей напротив него умолял: «Цин Чэнь, дай нам обоим выпить по глотку воды из твоего рюкзака. Если мы не выпьем, мы умрем».

Цин Чэнь открыл рюкзак, который был у него на спине, внутри действительно была бутылка с водой.

Он ничего не сказал.

Человек напротив него больше не мог этого выносить: «Мы не будем пить даром, назови свою цену».

Тут Цин Чэнь внезапно услышал голос, спрашивающий его: «Как ты можешь назначать цену, когда твои спутники вот-вот умрут от жажды?»

Цин Чэнь холодно посмотрел на человека напротив и сказал: «Сначала я позволю человеку рядом с тобой посмотреть, как ты умираешь от жажды, а затем пусть он сам назначит цену».

Как только голос стих, человек напротив превратился в Линь Сяосяо, а другой человек медленно рассеялся, как мыльный пузырь.

Линь Сяосяо безмолвно спросил: «Ты все еще человек?»

«Я знал, что это твой кошмар, поэтому, естественно, у меня не было никакого сочувствия», – Цин Чэнь нашел место, чтобы усесться поудобнее.

«Это и правда удивительно, – сказал Линь Сяосяо, сидя напротив него, – ты можешь оставаться в сознании и помнить все после того, как войдешь в кошмар. Тогда ты можешь сопротивляться зову демона сна».

«Ну, могу», – кратко ответил Цин Чэнь.

<http://tl.rulate.ru/book/57415/1843466>